

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

И. А. Батанина

Модели коэволюции
институциональных и
социокультурных составляющих
трансформационного процесса

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Batanina_RAPN.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

**Пятый Всероссийский конгресс политологов
Москва, 20-22 ноября 2009 г.**

**МОДЕЛИ КОЭВОЛЮЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ
ТРАНСФОРМАЦИОННОГО ПРОЦЕССА**

Ирина Александровна БАГАНИНА

доктор политических наук, профессор,
кафедра социологии и политологии,
гуманитарный факультет,
Тульский государственный университет,
Тула

Доклад представлен на Пятый Всероссийский конгресс политологов.

Сессия:

Исследовательский комитет РАПН по институциональным исследованиям.

Специальное заседание:

T25-3 «Институциональные трансформации».

22 ноября 2009 г.

Основные характеристики и тенденции развития политической системы современного российского общества отражают специфику трансформационных процессов, начавшихся в 90-е гг. XX в. Представляя собой сложный комплекс качественных изменений в структуре, функционировании и способах взаимодействия политической системы со средой, системная трансформация связана с коэволюционными процессами взаимной адаптации институциональной и социокультурной подсистем. Новые политические институты и доминирующие ценностные ориентации одновременно выступают по отношению друг к другу и как условие существования, и как результат функционирования. Коэволюция институциональных и социокультурных составляющих политической трансформации обеспечивает баланс системообразующих и системоизменяющих факторов развития, определяет параметры конкуренции формальных и неформальных институтов, влияет на функциональность политической системы общества.

В процессе посткоммунистического перехода к демократии Россия столкнулась с рядом проблем, которые характерны для транзитивных стран (экономическим спадом, высокими социальными издержками преобразований, олигархической формой собственности, распространением коррупции, нестабильностью демократических институтов и т.д.). Вместе с тем особенности ее политического развития были связаны не столько с самой ситуацией трансформации политического режима, сколько с построением новой государственности и сложносоставными конфликтами, сопровождавшими этот процесс. Противостояние оппонировавших сторон («реставраторов» и «реформаторов») носило открытый конфликтный характер, имело силовое разрешение (октябрьский кризис 1993 г.), в результате чего конституционное закрепление получили нормы, свойственные суперпрезидентской форме республиканского правления.

Существенная роль в процессе посткоммунистической трансформации России принадлежала политической элите, изменение ценностных ориентаций представителей которой существенно опережало аналогичные процессы в массовой среде. Исходя из этого адаптивность политической системы повышалась/понижалась в зависимости от того, в какой мере создание новых политических институтов/модификация функционирования прежних структур опирались на неформальную культуру массовых групп. Однако интенсивная поверхностная либерализация массового сознания, распространение ориентаций на западные стандарты потребления обеспечивали общественную поддержку демократических преобразований на этапе инициирования трансформационного процесса. Это обстоятельство позволило не только преодолеть

кризис «конституционного двоевластия», но и перейти к формированию институтов, определяющих облик политической системы современной России.

Следует отметить, что трансформация политической системы постсоветской России проходила в сложных социокультурных условиях, так как традиционные компоненты ценностной системы, сложившиеся типы политического сознания, доминирующие стратегии политического поведения в определенной мере препятствовали усвоению демократических норм и укоренению демократических институтов. Как и в большинстве транзитивных стран, демократический переход в России сопровождался ценностной делегитимацией институциональных нововведений. Ограниченная социальная база трансформации политической системы стимулировала закрепление принципа «обмена ресурсами» в отношении нового режима и формирующихся региональных и экономических элит, компенсировавших дефицит массовой поддержки. Неустойчивость демократических институтов и высокий уровень инверсионности политических процессов предопределили достижение режимной консолидации в двух основных формах: олигархического авторитаризма (1996 – 1999 гг.) и плебисцитарной демократии с сильной исполнительной властью (2000 – 2007 гг.). Режим олигархического авторитаризма нежизнеспособен, так как продуцирует такие механизмы саморазрушения, как негативная массовая мобилизация, делегитимация власти, сепаратизм в регионах. Режим плебисцитарной демократии с сильной исполнительной властью более устойчив благодаря ограничению давления на систему сил, ее разрушающих, но не способен обеспечить воспроизводство политической системы без лидера, легитимность которого поддерживает функционирование основных политических институтов.

Показателем успешности посткоммунистической трансформации выступает глубина многоуровневого интеграционного процесса, включающего в себя консолидацию демократии, внутриэлитную консолидацию и консолидацию общества. Консолидация демократии, обеспечивающая необратимость демократических преобразований и формирующаяся развитием ряда других процессов, предполагает достижение процедурного, ценностного и поведенческого уровней консенсуса в обществе. В современной России фактически отсутствуют влиятельные акторы, выступающие за отмену тех или иных институтов и норм, образующих основу демократического развития общества. С одной стороны, это обстоятельство указывает на наличие процедурного консенсуса. С другой стороны, его достижение обеспечено, во-первых, режимной консолидацией (вокруг национального лидера), и, во-вторых, навязанным внутриэлитным консенсусом (посредством вытеснения внесистемной оппозиции). Стабилизируя развитие политической системы, процедурный консенсус, тем не менее, не приобретает иное

качественное состояние, так как режимная консолидация не только имеет ограниченный ценностный фундамент (базовый функционально-целевой консенсус не достигнут), но и лишена поведенческих оснований (уровень политической субъектности масс не соответствует потребностям созданной институциональной структуры).

В условиях посткоммунистической трансформации достижение ценностного и поведенческого уровней общественного консенсуса, необходимых для консолидации демократии, осложнено неравномерностью этого процесса, так как восприятие новых норм и реализация инновационных стратегий поведения существенно дифференцируются в зависимости от принадлежности к различным социальным стратам, возрастным когортам, политическим субкультурам. Следовательно, дальнейшее демократическое развитие российского общества будет зависеть как от качества ценностной системы (степени ее гомогенности, соотношения аккультурационных/инкультурационных составляющих, специфики адаптационного/инновационного потенциала), так и от преодоления проблем, связанных с формированием политической субъектности масс (ограниченность социального капитала в обществе, дефицит демократических акторов, рассогласование ценностных приоритетов разностатусных групп, выраженность в массовом сознании ориентации на сильного лидера).

Ценностная система задает пределы, границы трансформации институциональной подсистемы и поэтому во многом определяет инновационный потенциал общества. Вместе с тем результативность трансформационного процесса также зависит от характера и интенсивности изменений ценностной системы общества, которая способна выполнять роль как катализатора, ускоряющего политические процессы, так и барьера, существенно замедляющего их. Игнорирование основных особенностей ценностной системы в частности не только влечет за собой возникновение разного рода институциональных искажений, но и в целом влияет на дисфункциональность результата трансформации. Исходя из этого, развитие политической системы общества предопределяется ее способностью соединять как институциональные, так и социокультурные аспекты своего функционирования.

Таким образом, между трансформацией политической системы и изменением ценностной системы общества существуют отношения коэволюции, то есть одно развивается, как правило, по мере развития другого. В настоящее время в процессе политической трансформации сложилось несоответствие существующих институциональных характеристик политической системы и ценностной системы общества, препятствующее демократизации современной России. Разрыв стал результатом воспроизводства политической системой мобилизационной модели развития,

поэтому институциональные преобразования значительно опередили становление политического субъекта.

Ценностная легитимация демократических институтов, консолидация демократии во многом будут зависеть от ряда условий, к которым можно отнести: реализацию нормативного структурирования политической системы; формирование политической инфраструктуры, артикулирующей и агрегирующей ценностные приоритеты различных слоев; преодоление ценностного размежевания между элитными и массовыми группами; развитие гражданской культуры и культуры автономного участия; складывание функционально-целевого согласия.

Можно выделить три основные модели коэволюции институциональных и социокультурных составляющих политической трансформации: *симметричную*, в которой функциональность политической системы обусловлена взаимозависимостью институциональной и ценностной подсистем, поддерживающих друг друга (характерна для устоявшихся демократий) и две *асимметричные* (получили распространение в условиях транзита третьей «волны» демократизации, а также неклассических модернизаций). Одна из асимметричных моделей рассматриваемой коэволюции предполагает, что аксиологическая трансформация выступает в качестве результата институциональных изменений, инициированных элитой (свойственна как для мобилизационного типа развития, так и для преимущественно навязанной формы демократического перехода). Другая асимметричная модель состоит в том, что социокультурные изменения предшествуют институциональным преобразованиям и во многом детерминируют их (характерна для стран с ярко выраженной постматериалистической субкультурой, также встречается в реформистских и отчасти в пактированных формах демократического перехода).

В асимметричных моделях коэволюции, где институциональные и социокультурные изменения являются темпорально дифференцированными и содержательно разнонаправленными, в обществе создаются предпосылки для развертывания ряда кризисов (легитимности, реципрокности, идентичности, участия), продуцируемых отчуждением между властью и гражданами, конфликтом между формальными и неформальными институтами. Чем больше вектор отклонения институционального и социокультурного потоков преобразований друг от друга, тем меньше инновационно-реформаторский ресурс элит (способность эффективно реализовывать преобразования, опираясь на поддержку большинства населения) и адаптационный потенциал общества (готовность принять политические нововведения и действовать на их основе). Наибольшая степень асимметрии институциональных и

социокультурных составляющих политической трансформации проявилась в условиях транзитов третьей «волны» демократизации.

Транзитология как научное направление, изучающее межрежимные переходы, с одной стороны, базируется на представлениях о многофакторной природе, нелинейности развития, вариативности результатов демократических транзитов. С другой стороны, именно транзитология в основных аналитических моделях пытается синтезировать мировую практику и политико-культурный опыт конкретной страны, выделяя общие закономерности и специфические особенности как на стадии формирования предпосылок, так и на этапах реализации и завершения перехода. Поскольку объектом транзитологии являются нестабильные и неустойчивые политические системы, развитие которых часто носит кризисный, инверсионный или хаотичный характер, то это существенно затрудняет ее использование для создания верифицируемых типологий, обеспечивающих соответствие теоретических положений и эмпирических моделей.

Транзитологические подходы условно подразделяются на минималистские (транзит рассматривается как период институционализации формальных демократических структур) и максималистские (длительный стадийный процесс, связанный с достижением процедурного, ценностного и поведенческого уровней консенсуса в обществе). Опираясь на минималистские трактовки межрежимного перехода, необходимо разграничивать собственно транзит и следующие за ним трансформации, результатом которых вполне может стать стабилизация политического режима гибридного или недемократического типа. Исходя из логики указанной позиции, наибольший подъем процесса демократизации приходится на период разрушения прежнего режима и формирования новой институциональной структуры, детерминирующей трансформационные процессы, которые, в свою очередь, часто сопровождаются изменением не только интенсивности, но и направленности преобразований.

Максималистское понимание транзита предполагает последовательную смену трех стадий (либерализация, демократизация, консолидация), успешность каждой из которых определяет результативность перехода к демократии в целом. Консолидация демократии как процесс укоренения новой институциональной структуры, завершающий транзит, представляет собой трансформацию хаотичных, неопределенных и неуправляемых отношений (складывающихся из конкуренции властных групп, размежевания масс и элит, конфликтных взаимодействий, дезориентации и дезинтеграции общества, угрожающих становлению демократии) в отношения, на основе которых осуществляется стабильное воспроизводство демократического способа функционирования политической системы. Базовым механизмом, обеспечивающим

воспроизводство демократического режима, выступает согласие большинства в обществе по поводу соответствующих норм, ценностей и форм поведения.

Специфика посткоммунистических трансформаций заключается в том, что, как правило, процедурный консенсус (согласие по поводу демократических норм, ценностей, процедур и институтов) либо имеет негативный характер и формируется на основе поляризации отношений между старыми и новыми элитами (в качестве основания для поляризации также используются вопросы территориальной целостности, геополитических ориентаций, этнических конфликтов и т.д.), либо базируется на принципе идентичности с правящим режимом, стабильность которого обеспечивается вытеснением антисистемных сил, моносубъектностью власти, дефицитом демократических акторов и другими условиями. «Новые» демократии, сформировавшиеся в конце XX столетия на посткоммунистическом пространстве, достигнув процедурного консенсуса, наибольшие затруднения испытывают с ценностными и поведенческими компонентами процесса консолидации.

Ценностно-нормативная интеграция общества предполагает: достижение ценностного и функционально-целевого (нормативного и деятельностного) согласия в обществе; актуализацию социальных групп (социальных типов), активно поддерживающих социально-политические институты и политическую систему в целом; складывание внутриэлитного консенсуса; преодоление радикализма оппозиции, ее неадекватности потребностям политической системы и средового окружения; формирование институционально опосредованной системы взаимодействия населения и властных структур; решение проблемы несовпадения формальных и неформальных норм и практик. Процесс политической ресоциализации граждан посткоммунистических государств отличается цикличностью и противоречивостью, так как новые принципы и нормы накладываются на уже сложившиеся устоявшиеся компоненты ценностной системы, что приводит к ценностному размежеванию и ценностным конфликтам элитаобразующих и массовых групп.

Возникающие в условиях посткоммунистических транзитов ценностные конфликты можно типологизировать на депривационные (вызванные несоответствием между зародившимися в обществе ожиданиями и реальностью переходного периода), цивилизационные (отражающие столкновение двух систем политической эволюции - инновационной и инерционной), целерациональные (связанные с различными интерпретациями целей общественно-политического развития) и ценностно-нормативные (сущность последних заключается в противоречии между формальными и неформальными отношениями и практиками). Завершение процесса демократического

транзита на посткоммунистическом пространстве во многом будет зависеть от преодоления ценностных конфликтов и превращения демократических принципов и процедур из атрибутивных признаков трансформирующегося режима в неотъемлемую часть гражданской культуры, задающей параметры взаимодействия и пределы взаимной ответственности элитных и массовых групп.

Межрежимный переход в посткоммунистической России характеризуется рядом особенностей, определивших основные тенденции развития различных сфер жизнедеятельности общества. Специфичным было влияние международных факторов и внешнеполитических условий, в которых происходил переход к демократии. Распад государственности, изменение геополитического статуса, усиление внешнеэкономической зависимости во многом способствовали десуверенизации государства. Россия, как и многие страны Центрально-Восточной Европы, столкнулась с дилеммой: демократия или суверенитет. В отличие от устоявшихся (классических) моделей демократического развития, в которых суверенитет и демократия взаимообуславливают друг друга, транзиты третьей «волны» демократизации, как правило, демонстрируют пример внешней, а впоследствии и внутренней десуверенизации.

В посткоммунистической России строительство институциональной структуры демократического типа осуществлялось параллельно с формированием рыночной экономики, сопровождавшимся радикальным разгосударствлением и олигархизацией, что, как следствие, привело к диспропорциональным результатам социально-экономического и политического развития в регионах. Резкое социальное расслоение, слабость и немногочисленность среднего класса, распространенность вынужденных и регрессивных моделей адаптации, общая социальная дезинтеграция стали своего рода издержками транзита, усугубившими социокультурные проблемы, традиционно связанные с переходностью. Институциональные преобразования во многом опередили трансформацию политической культуры российских граждан, что в ситуации кризиса идентичности, ценностных конфликтов, деидеологизации общества способствовало делегитимации нового демократического режима.

Еще в более специфичном варианте в посткоммунистической России протекали политические процессы, обусловленные межрежимным переходом. Во-первых, транзит осуществлялся в навязанной форме, поскольку возможности для достижения согласия между различными силами были достаточно ограниченными. Во-вторых, прежняя номенклатура длительный период времени сохраняла свое влияние, продуцируя партийную поляризацию, электоральную неустойчивость, обмен ресурсами между федеральным центром и регионами и другие проблемы, лимитирующие системность

многоуровневой структуры власти. В-третьих, институциональное усложнение не соответствовало традиционным для российского политического процесса особенностям, таким, как персонифицированное восприятие власти, харизматический тип лидерства и легитимного господства, доминирование подданнической субкультуры и другим, вызвавшим различные институциональные искажения.

Своеобразным результатом институциональных искажений является гибридный политический режим, сочетающий черты демократии и авторитаризма. Сформировавшийся на этапе высвобождения от ограничений позднего посттоталитарного периода политический режим изначально базировался на принципе гипертрофии исполнительной власти, масштаб полномочий которой в некоторой степени компенсировал неопределенность развития и внутреннюю десоверенизацию. В условиях, при которых сильная исполнительная власть не уравнивается институтами социально-политического представительства, структурами гражданского общества, ее контрольные полномочия начинают распространяться на механизмы обеспечения преемственности власти и воспроизводства политической системы. Инклюзия исполнительной власти, с одной стороны, обеспечивает процедурный внутриэлитный консенсус (навязанного типа), с другой стороны, затрудняет достижение ценностного и поведенческого уровней консолидации.

Институциональные преобразования становятся действительно необратимыми только тогда, когда они восприняты обществом и закреплены в системе ценностей, на которые это общество ориентируется. Ценностная система общества способна сохранять специфику, устойчивость и преемственность политической системы и вместе с тем формировать условия для изменения традиционных и функционирования инновационных политических институтов. Взаимодействуя с политической системой, она воспроизводит ее организационные, нормативные, поведенческие формы через социализацию. Благодаря своим динамическим характеристикам, ценностная система делает возможной адаптацию социума к трансформационным процессам через ресоциализацию. Изменение ценностных ориентаций как неотъемлемый компонент системной трансформации – это сложный, длительный, непрерывный, нелинейный и часто противоречивый процесс, результаты которого проявляются в ориентациях, установках и моделях поведения новых поколений. В условиях радикальных политических преобразований и возникновения дисбаланса в соотношении «требований» и «поддержки», обращенных к системе, процессы изменения ценностных приоритетов интенсифицируются по своей скорости и диверсифицируются по результатам.